

неву: «Не желаю видеть имя мое в печати» (с. 106), что сразу вводит читателя в биографический контекст этих произведений.

Четвертая глава включает поэтические сочинения Вяземского, оставшиеся в рукописях, преимущественно альбомные стихи, послания, буриме, шутки, стилизации и стихотворные заметки, наподобие: «Скажи, кого ты посещаешь, / И я скажу, ты сам таков» (с. 181). Именно здесь сосредоточены «атмосферные стихи», ярче всего передающие дух поэзии «золотого века», его по-бахтински карнавальный фимиам, который царил в литературных кружках и салонах того времени, прежде всего в «Арзамасе». То же самое можно сказать о шестой главе книги: «Архивные наброски, альбомные экспромты, шутливые дружеские послания П. А. Вяземского», — которая даже при отсутствии биографического и историко-литературного комментария расширяет представление как о творчестве самого писателя, так и о поэзии «золотого века» в целом.

Особую ценность для последующего издания собрания сочинений писателя имеют пятая («Малоизвестные редакции и варианты публиковавшихся произведений П. А. Вяземского») и седьмая («Приписываемое П. А. Вяземскому (DUBIA)») главы книги, которые могут быть интересны и текстологам в целом, и специалистам по творчеству писателя.

Самой научно весомой частью книги выглядит восьмая глава, названная «Текстологические этюды», в которую помещены исследования ученых по атрибуции произведений Вяземского: «На нынешнюю войну», «Кто кому нужнее», «Comlante», «Святая Русь», «Разгульное житье в Карлсбаде мы ведем»,

«Ответ вассалов», «Может и должен» — и которая сопровождается значительным по объему текстологическим комментарием. Пожалуй, только здесь можно увидеть воплощение предложенного в первой главе замысла книги.

Другой значительный фрагмент книги — это девятая глава — «П. А. Вяземский как драматург и переводчик французских комедий», которая открывается сценарием комической оперы, сочиненной Вяземским и В. Л. Пушкиным, с характерным галантным названием «Сельский праздник». Затем следует перевод другой комической оперы, «Певец и портной» П. Вилле и А. Гуффе, а также переводы комедии-водевиля «Помещик без поместья» Ж.-Г. Имбера и А.-Ф. Варнера и комедии «Бальдонские воды» О.-Э. Скриба с предваряющими публикацию исследовательскими комментариями. Вписываясь в представления о литературной ситуации того времени, в которой были актуальными русско-французские связи, содержащиеся в этой главе материалы также погружают в творческую лабораторию писателя.

Завершается монография «Алфавитным указателем поэтических произведений П. А. Вяземского» (с. 528–659) и Приложением — его прозаическим наброском о поэтическом языке, а также указателем имен.

Представленная структура книги, несомненно, вызывает много вопросов, но бесспорна необходимость данного издания и в качестве дополнения к Полному собранию сочинений Вяземского, и как отдельной книги о неизвестном в творчестве писателя-аристократа, всегдашняя литературных салонов, острого слова и замечательного поэта.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-261-265

© И. А. Лобаква

О РЕКОНСТРУКЦИИ РУКОПИСНОЙ БИБЛИОТЕКИ Ф. О. ПЛИГИНА*

История личных собраний рукописных книг в наших библиотеках всегда интересна, сложна, часто драматична. Многие из дошедших до наших дней частных коллекций сохранились достаточно хорошо; ряд из них является результатом пополнения библиофилом своего собрания за счет манускриптов из других собраний, а то и приобретения значительных частных библиотек рукописных книг у других собирателей (яркий пример тому — собрание М. П. Погодина в РНБ). О других собраниях нам известно лишь по отрывочным воспомина-

ниям современников, видевших их у владельцев, после смерти которых они распродавались, «дробились», исчезали из внимания исследователей. Глухие замечания об их судьбе не дают возможности выявить источники подобных коллекций, представить их состав, узнать о принадлежности собранию бывшего коллекционера книг, не имевших записей о прежнем владельце и вошедших в состав других библиотек.¹

* Новикова О. Л. Купец Филипп Осипович Плигин и его собрание рукописных книг. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2021. 164 с., ил.

¹ Так, например, П. Н. Берков посвятил специальную работу П. Я. Актову и его коллекции, которая составляла около 5000 единиц (рукописей, старопечатных изданий, царских жалованных грамот), нашел архивные сведения

О. Л. Новикова, авторитетный специалист по истории русского летописания, решив уточнить историю бытования летописного сборника из собрания Н. П. Лихачева, принадлежавшего ранее Ф. О. Плигину, столкнулась с крайней скудостью сведений как о нем самом (не были даже известны даты рождения и смерти собирателя), так и о его библиотеке. В рецензируемой монографии исследовательница скромно определила основную задачу своей работы как «расследование истории „распыления“ интереснейшей по своему составу рукописной коллекции» (с. 3).

Сразу отметим, что в монографии получило решение значительно больше загадок. Необходимо подчеркнуть, что к числу важнейших достоинств исследования принадлежит найденная Новиковой убедительная методика определения на основе кодикологического и палеографического анализа тех признаков и параметров, которые позволяют объединить рукописи когда-то «распыленного» собрания, воссоздав значительную его часть. В результате оказались восстановлены важные фрагменты в истории создания коллекции, выявлены принципы ее формирования, интересы владельца и основные признаки, исходя из которых можно достаточно уверенно отнести их к собранию Плигина.

Новиковой удалось установить многие факты биографии своего героя. Благодаря ее исследованию мы узнаем о Плигине — волжском купце-судовладельце, старообрядце австрийского согласия, одним из богатейших людей Саратовской губернии, землевладельце, коллекционере, благотворителе, удостоенном за свою деятельность орденов Св. Анны 3-й и 2-й степеней и орденом Св. Станислава 2-й степени, активном члене Саратовской ученой архивной комиссии. В 1-й главе своей монографии «Филипп Осипович Плигин и его семейство» на основе архивных материалов, сведений статистических комиссий, упоминаний в отчетах попечительских учреждений, отчетов Саратовской ученой архивной комиссии автор смогла не только прояснить, как складывалась жизнь собирателя, но и обосновать время его смерти (до 1902 года) и, опираясь на известие о том, что прожил он 114 лет, датировать его рождение концом 1790-х годов. Новиковой удалось собрать данные о торговой деятельности коллекционера, дать представление о его характере, образе жизни и взаимоотношениях с подчиненными, о доме-усадебке в Вольске, об активном участии в преобразовании города как

о владельце, попыталась выяснить, в какие собрания попали проданные его вдовой книги (23 рукописи — в Императорскую публичную библиотеку; количество книг, которые были приобретены гр. С. Г. Строгановым, М. П. Погодиным, собирателями из Тулы и Казани, осталось неустановленным). См.: *Берков П. Н.* П. Я. Актот, забытый собиратель рукописей и старопечатных книг // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 637–643.

самого купца, так и его сына (проведение водопровода, открытие реального училища, женской гимназии и учительской семинарии), проследить его родственные связи. Исследователем был выявлен источник, содержащий сведения о первых упоминаниях библиотеки Плигина, приведены материалы о взаимоотношениях с сыном Михаилом, стремление которого к независимой жизни, нежелание заниматься торговлей, равнодушие к вере отцов, отсутствие интереса к древним рукописям предопределило судьбу собрания волжского знатока древних книг.

Во второй главе «Хронология продажи и „распыления“ книжного собрания» Новикова, привлекая воспоминания П. П. Шибанова,² архив П. В. и П. П. Шибановых в РГБ,³ показала, каким образом шли переговоры наследника Плигина с антикваром в апреле 1904 года. Важным сведением о составе библиотеки и количестве книг собрания стало приведенное автором монографии признание книгопродавца в том, что первоначально он не мог поверить, что сможет «купить эту драгоценную библиотеку, равной которой не встречал на протяжении всей <...> жизни» (с. 22). Отметив, что о точном числе рукописей в собрании известий нет, исследовательница обратила внимание на упоминание покупателем библиотеки, что одних старопечатных изданий было около тысячи. Стоимость приобретенной коллекции Шибанов не назвал, однако она не досталась ему за реальную цену: сын собирателя не вступал в торги и был согласен на любую предложенную сумму, так как был удивлен дороговизной «этого хлама» (с. 24). Покупка всего собрания целиком могла бы оказаться большой удачей для ее сохранности, однако, как подчеркнуто Новиковой, «при всей любви к древнерусским рукописям, привитой антиквару его отцом, для П. П. Шибанова это был исключительно коммерческий проект, о чем позволяет судить весьма короткое время, прошедшее с момента покупки собрания до начала продажи книг» (с. 26). Уже 10 июля 1904 года, как было определено автором монографии по сохранившемуся закупочному каталогу московского коллекционера Е. Е. Егорова, Шибанов продал ему 21 рукопись XVI–XVII веков из собрания Плигина, выручив около 5000 рублей. Исследовательницей были отождествлены 15 плингинских рукописных книг в составе собрания Егорова в РГБ, так как на внутренней стороне нижних крышек их переплетов, в левом верхнем углу, сохранились зашифрованные цены рукописей, проставленные карандашом рукой Шибанова. Принципы шифровки сведений

² Шибанов П. П. 1) Полвека со старой книгой и ее друзьями (из воспоминаний) // Книга. Исследования и материалы. М., 1972. Сб. 24. С. 165–187; 2) Воспоминания старого библиотекаря. Записки известного книжника-антиквара (1864–1935) // Московский журнал. 2011. № 1 (241). С. 57–65.

³ РГБ. Ф. 342 (Шибановы).

о стоимости книг позволили идентифицировать ряд записей в рукописях с подобными заметками в книгах из других собраний и свидетельствами о приобретении их новыми владельцами у Шибанова.

Вторым покупателем рукописных книг из Плигинского собрания оказался Н. П. Лихачев, уже в июле 1904 года сумевший стать владельцем рукописи XV века, в состав которой входят Хроника Георгия Амартола и русская летопись, доведенная до 1488 года. Исследовательница обратила внимание на запись нового владельца, который оставил карандашом свой комментарий «Помета Плигина» на внутренней стороне верхней крышки переплета над записью твердым карандашом, напоминающей такие же пометы в четырех книгах из собрания Егорова. Таким образом было выявлено свидетельство, позволяющее отличать записи Плигина от других. Всего, как удалось определить Новиковой на основе сплошного просмотра рукописей собрания Лихачева, можно говорить с уверенностью еще об 11 плигинских рукописях в коллекции собирателя, которые он купил у П. П. Шибанова.

Так начался процесс «распыления» собрания. Причем драматическая история «дробления» библиотеки (купли — продажи — перепродажи — попыток сбить цену — покупки через посредников и т. п.) распутывается Новиковой как детективный сюжет. Становится очевидным, что Егоров, например, не только покупал рукописи у Шибанова напрямую, но и через книготорговца из Вольска Е. И. Кириллова; один из плигинских манускриптов благодаря тому же Кириллову оказался у собирателя и антиквара Н. М. Вострякова, который в свою очередь в 1907 году перепродал его Егорову. Естественно, что черед Императорских библиотек наступил позже, так как Шибанов был осведомлен, что их финансовые возможности значительно ниже, чем у богатых коллекционеров. Публичная библиотека смогла купить всего 28 рукописей, еще одна была подарена антикваром. Первоначально Шибанов намеревался получить 5000 рублей (как определила исследовательница по записям их стоимости, оставленным книготорговцем), но ему заплатили 4500. Библиотекой Академии наук были приобретены 69 книг, из которых 10 относились к XV веку, около 30 — к XVI веку, за которые Шибанов выручил 4500 рублей (вместо ожидаемых им 6000).

Именно рукописи, которые вошли в фонды научных библиотек, представили автору монографии материал для выявления примет, позволяющих идентифицировать рукописи из собрания Плигина: даты покупки, проставленные самим собирателем, клеймо «Ф. П.» на кожаных переплетах, бумажные наклейки на торце переплета с названием книги, наличие двойных помет Шибанова о цене манускрипта — букинистической (шифрованной) на нижней крышке и цифровой рублевой на верхней.

Переговоры о продаже рукописей с частными лицами антиквар мог вести в течение дли-

тельного времени. Новикова установила, что еще в мае 1904 года Шибанов сообщил богатейшему собирателю из Балакова П. М. Мальцеву о поступившей к нему новой коллекции. Уже продавший ему остатки библиотеки суконного фабриканта Н. И. Носова, Шибанов в конце 1909 года получил от Мальцева деньги за то, что осталось от собрания Плигина. Так как балаковский купец не имел наследников, он намеревался передать свое собрание, в которое входили 850 рукописей и 1000 старопечатных книг, Саратовскому университету еще в 1914 году. В это учреждение библиотека попала после трагической гибели Мальцева в 1919-м. Но, как удалось проследить исследовательнице, процесс «дробления» коллекции, в состав которой входила часть плигинской, не остановился: рукописная часть библиотеки оказалась разделена. Основная часть рукописных книг осталась в Саратовском университете, часть рукописей была передана в 1941 году в ЦГАЛИ (потом — в фонд рукописей РГАДА), наиболее ценные манускрипты попали в Отдел рукописей ГИМ (где еще в 1928-м оказались книги из сейфа Мальцева в Коммерческом банке). Используя набор признаков, который был определен Новиковой как отличающий рукописи коллекции Плигина, Ж. Л. Левшина по просьбе своей коллеги выявила в собрании Саратовского университета 76 книг, причём 40 из них одеты в плигинские переплеты.

Новикова предположила, что некоторые рукописи Плигина остались у Шибанова в качестве «запаса на черный день». Опираясь на сведения Описи, составленной М. Н. Мурзановой в 1940 году, исследовательница высказала гипотезу, что читающийся в рукописи БАН (Собр. Ф. О. Плигина. № 3) номер — «1036» — отражает фиксацию в более ранней описи или перечне книг. Это подтверждается наличием пометы Шибанова № 685 на рукописи из этого же собрания № 17. По мнению Новиковой, «в Инвентарь БАН попали номера „рабочего“ перечня рукописей (книги учета товара), составленного книготорговцем по рукописной части собрания после покупки библиотеки у М. Ф. Плигина» (с. 58). Данные факты позволили считать, что количество рукописей Плигина составляло не менее 1000 книг.

В третьей главе монографии «Из истории формирования „Плигинской библиотеки“: О продавцах рукописей и некоторых прежних владельцах» на основании помет, обнаруженных в 89 рукописях, Новикова выяснила, что рукописное собрание создавалось почти 50 лет, и составила список рукописей, в которых сохранились пометы о времени их приобретения. Как было установлено исследовательницей, Плигин имел связи в кругу антикваров-букинистов Санкт-Петербурга. Среди поставщиков-комиссионеров собирателя названы П. В. Шибанов (отец книготорговца П. П. Шибанова), И. И. Кириллов, А. И. Лепехин, С. Т. Большаков, Д. Ф. Болотов. Согласно выводу автора, «пути формирования Плигинской библиотеки раскрывают для нас

достаточно устойчивую среду бытования древнерусских рукописей в первой половине XIX столетия, откуда книги попадали и в другие частные собрания» (с. 82).

Четвертая глава монографии Новиковой названа «Плигин-читатель и Плигин-собираатель» и посвящена анализу книжных пристрастий коллекционера, который не просто приобретал книги, но внимательно их читал. Подтверждением этого положения стали пометы Плигина на полях «Зри» в принадлежавших ему рукописях, которые продолжают древнерусскую традицию маргиналий рядом с важным для читателя фрагментом текста и возникли под влиянием увиденных им в приобретенных манускриптах знаков на полях.

Особо отмечено, что на форзацных листах рукописей, входивших в библиотеку собирателя, часто встречаются выписки, отражающие интересы владельца. В отличие от фиксации времени покупок и названий книг, сделанных гражданским письмом, эти выписки всегда сделаны простым карандашом стилизованным полудууставом. Они касаются важнейших положений в ее содержании, обнаруживают правку или добавления из других источников; иногда являются результатом сверки рукописи с другими списками или печатными изданиями. Приведенный автором богатый иллюстративный материал убедительно подтверждает сделанные выводы.

В качестве примера коллекционных экземпляров исследовательница рассмотрела 3 рукописи (Круг миротворный, Кормчая и Иерусалимский устав), прежде не связывавшиеся с именем Плигина, но известные специалистам в качестве вкладов книжника XVI века вологодского архиепископа Ионы Думина во Владимирский Рождественский монастырь. Впрочем, в библиотеке собирателя были различные уставы (Шибанов отметил 12, в настоящее время их известно 5, что свидетельствует как об особом интересе коллекционера к такого рода памятникам, так и о знании о нем его поставщиков).

Наличествуют в собрании Плигина «строгановские» рукописи, которые были перечислены автором монографии, восстановившей их принадлежность к особому книжному комплексу собрания, связанному с именами заказчиков — именитых сольвычегодских купцов Строгановых.

Новиковой отмечен особый интерес ее героя к Кормчим, Уставам и сборникам канонического содержания, которые «и сейчас занимают заметное место в собрании Ф. О. Плигина» (с. 90).

Наблюдения исследовательницы, изложенные в пятой главе «Плигинский переплет как критерий атрибуции и образец книжного искусства конца XIX в.», открывают возможный путь воссоздания «распыленного» собрания на основе внимательного изучения книжных переплетов, в которые их одевал владелец библиотеки у своего мастера. Археографы обнаружили клеймо с инициалами «Ф. П.» на корешках ряда

плигинских рукописей (оно видно на 48 книгах). Новикова отнесла к их числу еще 10, на которых клеймо было заклеено или сохранилось частично, и еще на одной оказалось срезано ножом. Проанализировав оформление переплетов, исследовательница выделила использование желтой (или светло-коричневой) кожи; вид кованых элементов (застежек, петьель накладок, круглых жуковин на нижней обложке), скосы на крышках, оставленное место при тиснении корешка для названия книги, выполненного каллиграфическим полудууставом чернилами. На основании скрупулезного изучения переплетов рукописей, безусловно принадлежавших коллекции Плигина, Новикова выделила характерные для них элементы тиснения (средники, уголки, таблички, накатки, басмы), рассмотрев особенности их использования на переплетах рукописей разных форматов (F^o — «в лист»; Q^o — «в четверку»; O^o — «в восьмерку»). В результате был сделан вывод о том, что мастер со своими инструментами работал прямо в усадьбе купца в Вольске.

Последняя, шестая глава монографии «Перечень древнерусских рукописей, происхождение которых из собрания Ф. О. Плигина не вызывает сомнений» является итогом большой исследовательской работы Новиковой. В ней представлен оформленный в виде таблицы список, в который вошли шифры рукописей БАН (приобретенных в 1905 году у Шибанова); сохранившиеся в коллекциях Егорова, Лихачева и Мальцева (купленные у Шибанова в 1904–1905 годах); приобретенные Егоровым через посредников Кириллова и Вострякова; поступившие из собрания Мальцева в РГАЛИ и ГИМ; проданные наследниками Шибанова в ГИМ. Все они обладают характерными для рукописей из коллекции Плигина чертами, выявленными исследовательницей. Всего в приведенном перечне указаны 217 книг XV–XVIII веков, бывших частью этого собрания. Необходимо отметить удачную организацию таблицы, которая дает возможность увидеть наличие в каждой из рукописей признаков, обнаруженных автором при изучении особенностей оформления и записей плигинских манускриптов. В первой из семи граф приведены шифры рукописей и дополнительные сведения о них, сохранившиеся в Инвентаре БАН, каталоге Егорова, нумерации А. А. Герасимовой, присвоенной поступившим в Саратовский университет книгам Мальцева. Во второй графе указано название, в третьей — датировка рукописи. В четвертой — денежная оценка Шибанова в рублях, в пятой — зашифрованная, которые хоть и являются обычными в практике антиквара, но в совокупности с другими приметами позволяют отнести книги к собранию вольского купца. Шестая графа отмечает наличие записи Плигина о дате приобретения рукописи, а седьмая — содержит сведения о клейме «Ф. П.» на переплете. После таблицы Новикова привела список исследователей, обращавшихся к рукописям или отмечавших их в своих описаниях. Эта глава,

безусловно, носит характер столь необходимо-медиевистам справочника.⁴

В Заключении автором монографии подчеркнуто, что пока воссоздана лишь небольшая часть значительного книжного собрания коллекционера, но выявленные критерии позволят продолжить работу «для дальнейших атрибуций древнерусских рукописей, принадлежавших этому человеку» (с. 148). Часть из них в XX веке могли переместить в рукописные фонды других собирателей, часть оказалась в малодоступных частных собраниях, другие были утрачены во время Гражданской или Великой Отечественной войн. Наиболее актуальной и важной задачей современных археографов Новикова называет необходимость «воссоздать биографии крупнейших коллекционеров рукописных книг, реконструировать состав их библиотек, определить ценность каждой входящей в них рукописи и проследить ее дальнейшую судьбу» (с. 149). И хотя исследовательница полагает, что изучение жизни и собирательской деятельности Плигина только начато, представляется, что ее работа открывает новые перспективные методы комплексного подхода в анализе рукописных книжных коллекций.

Особо хочется подчеркнуть богатый иллюстративный материал, представленный в исследовании, который дает возможность читателю убедиться в выводах автора.

В рецензии принято отмечать недостатки работы. Делать это в нашем случае чрезвычай-

но сложно и не очень хочется. Они незначительны.

Так, хотя Новикова определила, что запись о приобретении 23 ноября 1877 года рукописного Апостола XV века (БАН. Собр. Ф. О. Плигина. № 51 (21.4.9)) читается еще на трех рукописях (с. 70), однако данная рукопись в итоговую таблицу не попала.

Представляется, было бы удобнее для читателя, если бы ссылки на конкретные рукописи в тексте монографии сразу шли с указанием их датировки. Возможно, это несколько увеличило бы объем монографии, но с большей наглядностью продемонстрировало бы ценность каждой рукописи собрания Плигина.

Остается ряд вопросов о «плигинских» переплетах. Были ли приемы в их оформлении разработаны только для рукописей коллекции конкретным мастером? Или существовала какая-то региональная традиция, которой этот мастер или мастера придерживались? Отметим, что исследовательница корректна в выводах и решает вопрос об атрибуции только опираясь на комплекс выявленных ею признаков.

Монография Новиковой — чрезвычайно интересный и важный шаг в решении проблемы воссоздания «распыленных» собраний рукописных памятников. Установление фактов биографии Плигина, истории его собрания и принципов формирования библиотеки является данью памяти замечательному волжскому коллекционеру. Она будет интересна не только медиевистам, но и специалистам по истории русской литературы XIX–XX веков, так как помогает увидеть уровень культуры, круг интересов и традиции семейного уклада значительной части русского старообрядческого кучества той поры.

⁴ На это обратили внимание авторы каталога. См.: *Корогодина М. В., Сапожникова О. С., Сергеев А. Г.* Описание рукописей XV века. М.; СПб., 2022. Вып. 1. Священное Писание (Славяно-русские рукописи Библиотеки Российской Академии наук). С. 204.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-265-266

© А. М. Грачева

«ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СТРАНЕ РАЗНООБРАЗНЫХ СНОВИДЕНИЙ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-СНОВИДЦЕВ»*

Монография Анны Возняк — авторитетного специалиста по русской литературе XIX и XX веков, профессора emeritus Католического университета Люблина имени Иоанна Павла II — раскрывает существенные параметры онейрического «кода» русской литературы Нового вре-

мени. Теме снов в произведениях российских классиков посвящено значительное количество литературоведческих трудов, разных как по объему, так и по глубине научного анализа. Однако адекватное изучение отражения и изображения литературных сновидений требует междисциплинарного подхода: соединения теорий и методологий филологии, философии, культурологии, психологии, психиатрии да и, наконец, авторского «бессознательного», т. е. художественного чутья. Парадоксально, что в практике исследования сновидений в русской

* *Woźniak Anna.* Два мира: Сны и онейрические мотивы в русской литературе XIX–XX веков / *Dwa światy: Sny i motywy oniryczne w literaturze rosyjskiej XIX–XX wieku.* Lublin: Wydawnictwo Werset, 2022. 330 s.